

Бестселлер
Голливуда

МАРИНА СЕРОВА

Будь
что будет
Повесть

Оружие
страха
Повесть

4-178

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Оружие страха

«Научная книга»

Серова М. С.

Оружие страха / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Оружие страха

Глава 1

Аню Волошину нашли в два часа ночи. Она лежала на тротуаре, прямо под окном собственной квартиры. Руки ее были раскинуты. Лицо Ани Волошиной выражало крайнюю степень изумления.

Казалось, сам факт собственной смерти вызвал у Ани шок. Не более того. Сейчас она обдумает случившееся с ней, отряхнется, встанет и пойдет домой... Так часто бывает с людьми не от мира сего, которым принадлежала и Аня.

Приехавшая на место происшествия милиция вкупе с бригадой «Скорой помощи» пришли к устраивающему обе стороны мнению, что актриса местного театра Анечка Волошина покончила с собой.

И никто не пытался разуверить их в этом. Так бы и жили служители закона и медицины в состоянии незамутненного покоя, если бы...

Если бы у Ани Волошиной не было склочной подруги, по имени Таня Иванова.

Настолько склочной, что за свою скромную двадцатилетнюю жизнь я нажила гораздо больше врагов, чем богатств. А жаль. Богатства приятнее. Но так уж получилось. Такой у меня характер. И ничего я с этим фактом поделать не могу. Скверная я девчонка. Когда вижу, что не все в порядке в датском королевстве, сую свой хорошенький носик в чужие темные дела. Иногда, признаться, бываю сама не рада этому. Такая грязь обнаруживается и выползает на Божий свет, что делается не по себе. Бр-р-р... Люди – они ведь бывают разные. Одних и не поймешь сразу, чего они хотят от жизни, а другие... За других я готова встать стеной.

Так вот, Аня Волошина была в числе очень немногих людей, за которых я готова была перегрызть глотку кому угодно. Аннушка обладала редкими в нашем нынешнем обществе качествами. Она была талантливой. Это раз. Простодушной и немного наивной. Это два. Необыкновенно чистой и доброй. Это три. Поэтому известие, полученное мной этим треклятым утром, заставило меня схватиться за сигарету, едва я услышала потерянный голос ее мужа Игоря.

* * *

Телефон зазвонил в самый беззаботный момент. Я преспокойно принимала душ, и жизнь казалась мне в этот серый день абсолютно безоблачной. Так иногда бывает – невзирая на любые обстоятельства, ты, даже если на тебя сегодня должен обрушиться дом, выключаешь внутри себя все сигнальные лампочки тревоги. Потому что ты утомлен.

Только что я облазила весь Тарасов в поисках очередного навороченного маньяка. Собрала на себя всю пыль и грязь этого благословенного города. А так как чего – чего, а пыли в нем предостаточно, меня стало потихоньку подташнивать. А в такой ситуации любой человек начинает обращать внимание на мелочи. Если, например, до этого тебя не беспокоили политические игры, то теперь ты смотришь на экран и замечаешь, что тебя трясет... Это самый плохой симптом. Лучше в этот момент переключить телевизор. Потому что у большинства политиков, как это ни странно, лица аналогичны физиономиям разыскиваемых тобой маньяков. От этого сходства спасительная соломинка природного оптимизма тихо тает в воздухе. Безнадега...

И в такой вот момент никто нам с вами, братцы мои, не поможет. Разве что Господь. Но так как мы только и делаем, что гневим его, значит, уповать на его внимание в высшей

степени безрассудно. К тому же я уверена, что у Него и так полно дел. Так что с нашим дурным настроением приходится управляться самим. Что я успешно и проделываю.

Как говаривал любезный русскому сердцу Александр Сергеевич: «откупори шампанского бутылку иль перечти „Женитьбу Фигаро“».

Для тех, кто лишен возможности откупорить бутылку означенного напитка и по неизвестным причинам не научился читать, могу рекомендовать более простецкий способ: ложитесь на диван, желательно мягкий, закрываете глаза и внушаете себе, что вы недавно вернулись из успешных странствий по парижским бутикам.

Правда, куда подевалось все, что вы там накупили? Да, здесь, увы, незадача... Ничего из подобных мечтаний с собой не принесешь. Кроме божественного аромата беззаботности...

Но это мелочи. Может быть, вы и не нашли там того, что искали. Главное – аромат. Главное – настроение. Оно у вас улучшается, и вы тихо радуетесь жизни.

В этот проклятый день я как раз безмятежно испила прекрасного напитка, упомянутого солнцем русской поэзии, и по фатальному стечению обстоятельств вспоминала нашу с Анькой вчерашнюю встречу. И улыбалась.

Причиной моего отличного самочувствия являлось не шампанское, а вчерашний разговор с моей подругой... Анечкой Волошиной.

* * *

Аньку Волошину я знала с чудесного подросткового возраста. В далеком сентябре она вошла в класс и села за одну парту со мной. Я сразу поняла, что это – на всю жизнь. Мы продолжали общаться и после школы. Может быть, реже виделись. Но расставаться навсегда не собирались.

С Анькой можно было болтать о чем угодно. Начиная с Джеймса Джойса, которого она обожала. Причем – без дураков. Она, видите ли, откопала в его творениях необыкновенные образы. А что до крайней витиеватости изложения и необходимости постоянно нырять в словарь терминов, это ее не пугало. По глубочайшему убеждению Аньки, наличие словаря в джойсовском тексте рассчитано на снобов. А простому человеку все знать и не обязательно.

Но это – к слову.

Начать можно было с Джойса, а закончить ценами на сигареты и отношениями с супругом. Впрочем, там говорить было не о чем. В отличие от цен, с мужем у Ани все было в порядке.

Игорь отличался добродушием и надежностью.

Анька шутила, что вышла за него замуж корысти ради. Актрисе рано или поздно понадобится помощь психоневролога. А ее супруг как раз им и являлся.

Игорь Волошин был лучшим спецом по части предотвращения суицида. Даже организовал телефон доверия в своей больнице.

На этом самом телефоне никто не хотел сидеть, поскольку платили гроши.

Игорь сидел. Почти каждую ночь.

Волошин разработал целую теорию причин самоубийств. Теория была так хороша, что мистером Волошиным заинтересовались в Америке. Поскольку на сытом континенте, как ни странно, вопрос суицида стоял еще более остро.

Волошиным предложили райские кущи. Их так завлекали на ранчо в Техасе, что мне захотелось в голос завывать, когда неподкупный Игорь Андреевич холодно ответил коварным акулам капитализма, что он, мол, нужен Родине.

Сказал – будто отрубил. И продолжал сидение на пятистах деревянных. Как в том анекдоте: «Да, сыночек, но здесь – твоя Родина...»

Анька его поняла сразу. Остальные покатывались со смеху и вертели пальцем у виска. Я смотрела жалостливо, но с пониманием. Таковы были Волошины. Романтики, последние в

своем роде... Но именно на таких вот Волошиных, по моему строгому убеждению, держится мироздание.

Игоря бытовые проблемы не колыхали. Конечно, иногда от отсутствия наличности им обоим становилось грустно. Но каждый из Волошиных знал, для чего он явился на эту грешную землю. У Волошиных были дела. Вот и теперь Игорю было не до меркантильных предложений. Он был занят другой проблемой. И, как нарочно, эта проблема касалась суицида.

Пока он предпочитал молчать о своих поисках. Только однажды, посмотрев на меня рассеянным взглядом, задумчиво спросил:

– Тань, ты ведь училась в Московской школе экстрасенсов?

Я вылупилась на него, как баран на новые ворота. О факте моего обучения там знала только моя мама. Поскольку я тогда училась еще и в девятом классе.

Именно это помешало моему продвижению по тамошней иерархической лестнице. А то бы сейчас, возможно, затмила Джуну.

Но мама была непреклонна, она не считала профессию биоэнергетика серьезной. Простая средняя школа казалась ей важнее.

Но об этом никто не знал!

Может быть, Аньке что-то было известно? Спросить ее об этом я тогда так и забыла. На вопрос Игоря честно ответила, что училась, но недолго. Особых высот достичь не удалось.

Он кивнул и сказал:

– Когда мне будет нужна твоя помощь, поможешь...

И отошел.

Чисто психоневрологический ход. Ему это нужно, и любое сопротивление бесполезно...

Потом мы к этому не возвращались. Недосуг было. Я искала убийц, а Игорь спасал самоубийц.

Анька же играла на сцене маленьких девочек, мальчиков и ежиков, и все текло, как надо...

Пока не нашли ее безжизненную. Под окном девятиэтажки.

* * *

Я сидела и улыбалась, потому что мне было хорошо. Завтра я пойду на Анькин спектакль, а потом намечается маленькая тусовочка. Я очень люблю этих людей. И Аньку, и ее мужа, и их будущего бэби.

Именно в это мгновение и зазвонил телефон. Как «сумасшедший, с бритвою в руке».

– Алло? – подняла я трубку.

– Таня? – голос Игоря был напряженным. Я подумала, что Аньку увезли в больницу. Мало ли что может случиться с женщиной на четвертом месяце беременности...

– Да, Игорь, я слушаю...

– Танюша, Аня покончила с собой.

Нет. Этого не может быть. Я сплю. И вижу страшный сон. Или это чья-то глупая шутка.

– Так не шутят, – мрачно произнесла я.

– Таня, я не шучу. Аня покончила с собой. Выбросилась из окна.

Черт... Черт, черт, черт!

Я начала задыхаться.

Анька покончила с собой... Бред. Она вчера была такой веселой.

Или я не поняла чего-то?

Нет. Моя интуиция никогда меня не подводила. Я умею чувствовать людей. Не зря же меня именуют Ведьмой... Нет...

Я сжала виски руками. Трубка казалась мне сейчас воплощением мирового зла, обрушившегося на мою голову.

– Таня?

Игорь пытался говорить с пустотой, в которую я превратилась. Мне хотелось сейчас скулить, как щенку. Но Игорь сам в таком же состоянии. Я должна быть сильной.

– Таня!

Я подняла трубку и старательно проговорила – каждую букву.

– Да, Игорь...

– Танечка, ты только держи себя в руках!

Весь Игорь – как на ладони. Сам в состоянии глубокого стресса – и пытается оставаться психоневрологом...

Так же, как во мне постоянно живет сыщица. И сейчас – тоже.

– Игорь, как это произошло?

– Ночью. Я был в больнице на дежурстве. Не знаю, почему... – его голос на мгновение сорвался. Но он взял себя в руки. – Мне позвонили и сказали, что моя жена погибла. А потом, когда я приехал... Таня, почему она это сделала?

«Она этого не делала!» – хотелось заорать мне. Потому что я не верю. Анька никогда не покончила бы с собой. Даже если все вокруг обрушится.

Но сейчас реальность говорила голосом Игоря. Устало и беспросветно. Не оставляя надежд. Проклятая реальность!

* * *

Я чувствовала себя мерзко. В такие моменты у меня во рту появляется привкус металла. Я схватила сигарету. Сигарета в моих руках дрожала. Руки вообще жили собственной жизнью.

Если с психикой я еще могла справиться, то руки отказывались подчиняться моим приказам.

Закрыв глаза, я вспоминала весь позавчерашний и вчерашний день... Мою прострацию, когда было невозможно двигаться и хотелось временно прекратить свое существование в данном пространстве. Усталость перебарывала меня.

Именно поэтому позавчера я набрала Анькин телефон.

Помочь мне справиться с собственной немощью могла лишь она. Ее веселый голос всегда наполнял меня жизненной силой.

Ах, Анька! Что же с тобой случилось?

Стоп. Опять у вас, Татьяна, начинается истерика. А не мне вам объяснять, что состояние излишнего нервного возбуждения ничем вам в данном конкретном случае помочь не сможет. Помешать – сколько угодно. Потому берите-ка вы себя в ваши прелестные ручки, подойдите к зеркалу...

Я подошла. На меня смотрела совсем не привычная Татьяна Иванова. Уверенная. Храбрая. Умная.

Нет.

Там растерянно улыбалась какая-то размазанная колесами жизни девица, в глазах которой застыла вселенская печаль и боль за все человечество.

Ох, как я себя ненавижу в такие моменты!

Потому что именно в эти долбанные моменты кто хочешь возьмет тебя голыми руками. И никаких трудов ему это не составит... Лучше найти стержень. Вытащить проклятую боль, посмотреть на нее, как на изрядно пошатнувшийся зуб. И сообразить, что слезами ты ничем не поможешь. Самое худшее уже совершилось. Остается смириться с этим. И попытаться найти виновников...

Виновников. Даже если человек кончает с собой, кто-то в этом виноват. Любое самоубийство отчасти является убийством. И я не склонна вешать на несчастных больше вины, чем они заслуживают. Потому что кирпич ни с того ни с сего на голову не упадет. И самоубийца просто за так не решится на прыжок из окна.

К тому же... Я была абсолютно уверена, что АНЬКА ВОЛОШИНА С СОБОЙ НЕ КОНЧАЛА!

Можете сжечь меня на костре. Можете расстрелять... Четвертовать. Что угодно, мессеры, что угодно... Но Аньке явно помогли упасть из окна. Не тот она была человек.

Анька никогда не кисла. Даже в самые трудные моменты. Эта женственная девочка обладала таким запасом прочности, которому позавидовали бы крутые мужики. Она с завидным спокойствием смотрела в лицо любым трудностям и передрягам. С чего бы теперь ей вдруг решиться на такое? Причины-то должны БЫТЬ?

Деньги? Анька плевать на них хотела. Она могла прожить без денег сколько угодно. Зависеть от такой мелочи было ниже ее достоинства.

Работа? Опять нескладухи. А съемки в сериале? Она ждала их с нетерпением школьницы. Дождалась. И была счастлива.

Что еще? Какие еще причины могли быть у благополучной, любимой и любящей, ожидающей ребенка, талантливой Аньки?

Значит, нашлись милые ребятки, приложившие к ее прыжку максимум усилий.

И я найду этих милейших ребятишек, уж будьте спокойны!

Кажется, злость и жажда мести сделали свое дело. В моих глазах зажегся огонь. Я перестала напоминать засохший абрикос. Я стала прежней. Каждая клетка моего тела начала наливать энергию.

И не приведи Господи попасться в такой момент мне на дороге!

* * *

Я сама боюсь подобных приступов ярости. Меня нельзя сильно злить. Не знаю, как это происходит, но внутри меня начинается движение энергии, которую я не в силах сдерживать. Эта энергия образует множество черных атомов, они сначала движутся медленно, затем разгоняются, разгоняются, и...

Последнее время я еще как-то справляюсь с подобным состоянием. Анька помогла. Именно Анька, когда я рассказала ей об этом явлении, принесла мне «Воспламеняющую взглядом» Кинга.

И научила меня загонять эту энергию назад. Или отправлять ее в надлежащее место. Чтобы потом не нести ответственности за чье-то физическое увечье.

Чаще всего надлежащим местом оказывалась раковина умывальника в ванной комнате. Я просто выругивалась туда, а потом смывала водой. Сразу становилось легче. И никому не было плохо.

Анька очень смеялась, когда я ей рассказала об этом. Она вообще была...

Черт! «БЫЛА»... Анька не выживет в прошлом времени. Она просто не умеет оставаться тенью.

Я опять почувствовала в руках предательскую дрожь. Кажется, сейчас начнет трясти.

Стоп. Используй свою энергию в мирных целях, Таня. Вспомни. С ее помощью можно сделать многое.

Например, отыскать Анькиного убийцу. Отыскать – и...

Я включила холодную воду. Подставив под обжигающе ледяную струю ладони, почувствовала, как становится легче. Холодная вода отрезвила мой мозг. Теперь я могу начать поиски. Кипящее бешенство превратилось в холодный гнев.

Я вытерла руки мягким полотенцем. Стало чуть легче. Посмотрев в зеркало, я убедилась, что почти успокоилась. Теперь я уже смогу держать себя в руках.

Я прошла в гостиную. С чего начать? Я задумалась. Ах, да! Сначала я должна вспомнить все наши разговоры. До мельчайших подробностей. Постараться ничего не упустить. Возможно, Анька говорила что – то такое...

Я легла на диван. Закрыла глаза. Сосредоточилась на вчерашнем дне.

Окружающий мир наконец-то оставил меня в покое.

* * *

– Ах, какая жалость!

Анькино хорошенькое лицо сморщилось. Она разглядывала эту тоненькую книжку с восторгом дикаря, увидевшего пестрые фенечки.

– Что это? – поинтересовалась я.

– Смотри, – она протянула мне белый томик.

«Английская поэзия абсурда».

– Ну и что?

– Это же лимерики! – В Анькиных глазах было столько восторга, что я сразу доперла: лимерики эти вещь бесценная. Анька просто за так сиять вам не станет.

– «Джентльмену из города Галле
Ребятишки порой досаждали:
То посадят в ведро, то сломают ребро –
Шалунишки из города Галле...»

– продекламировала Анька.

Я засмеялась.

– Анька, ну купи ты себе эти свои лимерики...

– Фу, – наморщила Анька вздернутый нос, – ты, Иванова, временами страдаешь отсутствием чуткости. Взгляни на цену...

Я взглянула. Ни фиги себе... Сия тоненькая книжуля стоила тридцатник!

– И где же нам, простым труженицам театра, насшибать такие башли? – вздохнула Анька. Она положила книжечку на место. Как ребенок, понимающий невозможность чуда. Смирившийся с его отсутствием.

Этого я допустить не могла. Ежели наша феечка перестанет верить в чудеса – на что ж рассчитывать нам, простым смертным?

Я достала из кармана тридцатку и протянула продавщице. Анька немного обиделась.

Это было видно по выражению ее чуть раскосых зеленых глаз.

– Ань, я же купила себе, – попыталась я оправдаться, – а тебе даю ее только почитать. На неограниченное время...

Она решила, что сердиться не стоит. Схватив бесценные лимерики в ладошки, чмокнула меня в щеку и изрекла:

– Ты, Танька, вовсе не Ведьма. Ты – волшебница. А я – Золушка.

– Пошли, Золушка, – усмеялась я, – насколько я помню, ты и готовить толком не научилась...

– Не-а, – согласилась Анька, – и в квартире у меня черт знает что творится...

Мне было хорошо рядом с ней. Так хорошо, как никогда ни с кем не было. И не будет... Теперь – никогда не будет!

* * *

Я открыла глаза. В голову лезла всякая муть, не относящаяся к делу... Что еще Анька тогда говорила?

Ах, да... О ребенке. Какие у него ручки и ножки. Поскольку Анька только что побывала на УЗИ. Вот только выяснить пол младенца она не успела. Забыла? Какая разница?

Господи... Анечка, ведь вас было – двое?

В носу защипало. Я не плакала уже миллион лет.

Нет. Плакать я не собираюсь. Не дождетесь. Вместе со слезами уходит энергия. А она мне необходима. Для мести.

За двоих людей, которых я любила. И неважно, что со вторым я еще не успела познакомиться. Думаю, он был куда лучше вас. Я сдержала слезы.

Анька Волошина не покончила с собой. Где вы видели беременных женщин, бросающихся с девятого этажа?

Аньку Волошину убили. И я найду того, кто это сделал.

* * *

Электрический свет резал глаза. Они и так болели оттого, что я отказывалась дать волю слезам. Повернув выключатель, я оказалась в крошечной темноте. Стало не по себе. Тоскливо и страшновато. Я поежилась. Где-то должны быть свечи...

Я вспомнила. Достала их из кухонного шкафа. Теперь освещение комнаты было мягким и призрачным. Самое время побродить здесь Анькиной душеньке.

Она так любила запах свечей!

Хватит, Танюха. Не позволяй себе расслабляться.

Рука потянулась к замшевому мешочку, где ждали своего часа мои магические кости.

«13+ 30+ 10».

«Держите под контролем свое настроение».

Даже не совет. Приказ. И ведь они правы как всегда! Если я не буду держать себя в руках... Нет! Это уж вам фигушки с маслом!

Анька, ответ же мне, что с тобой произошло?

«17+ 3+ 30».

«Чтобы быть любимой, сами любите чисто и светло. Чистота души неразделима с ее святостью».

Загадочная фраза. Во-первых, святость относится явно к моей подруге. Но – любовь?

Неужели у Аньки была некая тайна, которую она скрывала от всех? Даже от меня?!

И еще – слишком часто выпадает тройка. Число Бога. Семерка – число судьбы. Если это сопоставить, то получается, что происшедшее с моей Анькой – фатальный случай?

А это означает, что Анна Волошина не покончила с собой...

Но – кто может привести меня к разгадке?

«13+ 2+ 25».

«В поисках счастья вам предстоит отправиться в необычное путешествие».

Наверное, мои мудрые друзья устали. Или им хочется отвлечь меня от грустных мыслей...

Какое путешествие? Какое, к чертовой бабушке, счастье?

Я вздохнула, сложила кости обратно в мешочек и посмотрела на свечу. Ее пламя было зеленым! Представляете?

По поверью, пламя свечи становится зеленым, если душа умершего рядом с вами!

Я оглянулась. Где-то рядышком со мной была моя Анька. И я улыбнулась в пространство, надеясь, что она заметит мою улыбку...

– Я найду их, Анна, – пообещала я ей, – обязательно...

Глава 2

Прощание с Анькой проходило в фойе театра. Народу было много. В основном школьные друзья и ее коллеги.

Я стояла, прислонившись к стене, и разглядывала публику, собравшуюся на последний Анькин спектакль. К слову сказать, она и мертвая сохраняла необычайную живость черт. Как будто просто заснула...

Люди подходили к ней, всхлипывая, прикладывая к глазам платок, а мне все это казалось до отвращения неправильным. Слава Богу, дирекции театра хватило ума включить любимую Анькину «Бразильскую Бахиану» Вилла-Лобоса. И теперь нежная, грустная мелодия, про которую Анька любила говорить, что это – воплощение ее, Анькиной, души, заполняла собой пространство скорби.

Ненавижу похороны. У них совершенно отвратительный запах. Сразу набегает толпа странных теток в черных платках, теток, которых умерший никогда не знал. Но эти тетки, с детства напоминающие мне ворон, откуда-то слетаются с невиданной быстротой и начинают превращать таинство смерти в лубочный фарс. Сейчас пока их не было. Но я начинала предчувствовать их скорое появление. Поэтому я подошла к Аньке, посмотрела в ее спокойное личико, поцеловала ее и сказала:

– До свиданья, милая... Думаю, скоро мы увидимся. Всего тебе хорошего в новой, небесной жизни.

Наверное, мое нестандартное прощание ужасно возмутило шествующую за мной женщину. Она окинула меня недоуменным взглядом.

Ну и ладно. Анька меня бы поняла. Ее никогда не тянуло к «серьезу». Даже в отношении к смерти.

* * *

Я вышла во двор. Там толпилась группка молодежи. Они курили и тихонько переговаривались.

Достав сигарету, я пристроилась неподалеку от них.

Из театра вышел Игорь и, отыскав меня близоруким взглядом, двинулся в моем направлении с растерянной улыбкой на губах.

– Здравствуй, Танюша, – протянул он мне ладонь, – так странно видеть Аньку ТАМ...

Я поняла его. ТАМ Аньку видеть было еще как странно. Слишком она была живой. Экцентричной. Вечно смеющейся. ТАМ ей было никак не место...

Он достал сигарету. Закурил, выпустил в воздух струйку дыма и молча прислонился к стене рядом со мной.

Какое-то время мы молчали. Просто не находили слов. Да и не особо нуждались в этих самых словах.

Игорь смотрел в небо, я бестолково внедряла свой взор в стену дома напротив.

Мимо пронесся режиссер Тихонович, с развевающимися за спиной волосами, весь погруженный в сознание собственной гениальности и общественной значимости. Он шептал что-то под свой озабоченный нос. Впрочем, около Игоря он остановился, поднял на него недоуменный взгляд и, вспомнив, зачем он идет в театр на этот раз, начал соболезнущий плач, в котором явно слышались истерические ноты посмертного восхищения Анной Волошиной.

Игорь устало кивал, предоставляя Тихоновичу замазать хоть часть грехов, совершенных им по отношению к Аньке.

Поскольку ни для кого не было секретом, что Анькина судьба выступать на сцене в амплу «вечного елочного зайчика» была предрешена именно этим гением местного масштаба.

Ну, не видел он в ней Джульетту! Поскольку таинственным образом на Джульетту была как две капли воды похожа его жена Рита с заметно выдающейся вперед челюстью и крашеной химией на голове. Голова ее, к слову сказать, по форме точно соответствовала яйцу.

Куда уж было Аньке с ее гривой рыжих волос и глазами лесной дриады на что-то рассчитывать!

Игорь вежливо выслушал поток соболезирующего словоблудия. С облегчением вздохнул, когда Тихонович закончил панегирик и исчез в здании театра.

Я тоже вздохнула. Надо было работать. Посему я напрягла свой нюх, затушила сигарету и начала серию локальных допросов, в результате которых искренне надеялась выйти хоть на какие-то, пусть слабо различимые следы... Ведь должны же они были остаться, черт побери!

* * *

Начать военные действия я решила именно с Игоря. Обдумав, как бы мне потактичнее нарушить затянувшееся молчание, я кашлянула.

Банально, не спорю. Но вовремя совершенная банальность – без пяти минут новшество.

Игорь поднял на меня глаза.

– Странно, – проронила я в пространство, старательно избегая его взгляда.

– Что странно? – вежливо поинтересовался он.

– Я не могу поверить, что Анька... Я же говорила с ней накануне! Она не производила впечатления человека с суицидальными наклонностями!

– На меня – тоже, – вздохнул Игорь, – если учесть, что я работаю как раз с этим... Странно. Человек сидит на телефоне доверия, пропадает денно и ночью в больнице, работая с депрессивными, а его собственная жена... Как я мог это проглядеть? Ведь я различаю это уже по мельчайшим признакам! Я же, Танька, съел на этом собаку...

Он швырнул окурок под ноги и размазал его по тротуару резким движением подошвы.

– Значит, этих признаков не было, – резюмировала я, – и Анька не бросилась из окна сама.

– А что тогда? – вытаращился Игорь, – Кто ее мог подтолкнуть? Я? Меня не было дома. Да и не стал бы я этого делать...

– На тебя я подумаю в последнюю очередь, – добродушно заверила я его.

– Спасибо, – буркнул он довольно неблагодарно.

– А врагов у нее не было?

– Были, – пожал он плечами, – но я не могу представить никого из них в роли убийцы... Хоть расстреляй. Подхожу только я. Взбесившийся от постоянного безденежья и напряженной работы маньяк. Чтобы не кормить жену и ребенка, выбросил их из окна... Убеждает?

– Учту, спасибо, – сказала я. Может, так оно и бывает, но не с Игорем, который таскал Аньку на руках и заботливо сдувал с нее пылинки.

– Так что там у нас насчет врагов? – продолжала я пытаться несчастного.

– Недавно, дня три назад, она поругалась с Людкой Гладышевой, – пожал он плечами. – Людка помешалась на какой-то идиотской маркетинговой сети типа «Визьена» и начала нас доставать. Последний перл был – дайте срочно займы пять лимонов, поскольку ей нужен как воздух неведомый кейс.

– А по-русски?

– А по-русски я и сам ее не понимаю, – усмехнулся Игорь, – пять лимонов она где – то достала, и Анька сказала, что ей пора полечиться в нашей клинике. Людка обиделась. Все.

Представить толстую, спокойную Людку в роли убийцы было трудновато. Ладно, ее мы оставим в качестве подозреваемой. Поскольку, судя по моим личным наблюдениям, работа в маркетинговых сетях нередко портит рассудок.

Но в уголке сознания Людка отложилась. Позвоню ей и честно поведаю о своих подозрениях.

Кстати, неплохой метод работы. Заявить человеку, что я его подозреваю, и пусть сам себе ищет алиби и доказывает, что он не верблюд.

– Последнее время Анька была какая-то странная, – продолжал Игорь, – загадочная... Сияла изнутри. Я связывал это с беременностью... Ах, Господи, ну, почему? Почему? Она так ждала ребенка, Тань!

Он стиснул зубы и сжал кулаки. Рыдать и ныть было не в его правилах. Поэтому-то мы втроем так понимали друг друга...

Никто из нас не любил публичных выступлений с элементами вселенского плача...

Я поняла, что продолжать наш разговор нельзя. Это слишком мерзко – мучить человека воспоминаниями. Подожду до завтра. Боль потребует выхода. А душа Игоря запросит мщения...

Как просит его сейчас моя душа!

* * *

Тихоновича я нашла быстро. Он стоял, подпирая стенку, в фойе и тихо общался с дородной дамой лет пятидесяти. Дама явно кокетничала, оставляя, впрочем, лицо в состоянии приличной моменту трагичности.

Я остановилась в отдалении. Нарушать их беседу не хотелось. Тихонович меня заметил. Он кивнул мне и взглядом показал, что сейчас постарается вырваться из объятий блестящей фрейлины двора. Дама перехватила его взгляд и уставилась на меня. В ее остановившемся взгляде чувствовалось возмущение и удивление. Я явно не входила в число особей, отвечающих ее ГОСТу. Тихонович пробормотал: «Извините» – и поклонился ей. Она милостиво отпустила его на пару минут. Не больше. Я и так слишком нахально возникла в этом пространстве.

– Здравствуйте, Таня, – сказал он, приблизившись. – Рад вас видеть...

– Повод, увы, слишком безрадостный, – вздохнула я.

– Да уж. Самое главное – я не могу понять, почему?

Тихонович посмотрел мне в глаза:

– Вы вообще-то верите, что она сама покончила с собой?

– А вы? – ответила я вопросом на вопрос.

– Нет, – произнес он решительно, – но и понять, кто мог желать ее смерти, тоже не могу.

– А в труппе у нее врагов не было?

Он вытаращился на меня в изумлении. Потом расхохотался.

– Конечно, были... Сами знаете, какая здесь обстановочка... Но вы можете представить себе стареющую приму Бессонову, крадущуюся в квартиру Волошиной? А на киллера у нее, простите, денег не наберется. Она лучше потерпит волошинское присутствие. И потом... На врагах актеры разряжаются. Они своих врагов любят больше друзей. Достаточно взглянуть на Ритку. Посмотрите, как рыдает моя супруга... И только я знаю, как завидовала она Анне. И ревновала меня к ней...

Я посмотрела. Злейшая врагиня Аньки действительно искренне заливалась слезами. Правильно. Кого же теперь кусать? Пока найдешь новую жертву разрядки...

Тихонович был прав. И я ему поверила. Никто в театре Анькиной смерти активно не желал. Пассивно – пожалуйста. Но в исчезновении Аньки резону им не было никакого. Абсолютно.

* * *

Я шла по проспекту, пытаюсь собрать разбросанные, перемешанные со слезами мысли в логическую цепочку. Итак, Анька Волошина, красивая, молодая, любимая, ждущая ребенка, наконец-то приглашенная сниматься в фильме, ни с того ни с сего бросается из окна...

Даже сделав слабую скидку на состояние беременности, этого не получается, господа!

Конечно, беременные женщины способны на многие странности, но... Не на такие. И не Анька. Уж в этом-то не сомневайтесь!

По словам Игоря и свидетеля происшествия, коим являлся довольно пьяный сосед, возвращавшийся с «презентации» (кстати, именно к нему-то я и направляла сейчас свои стопы), произошло это около двух часов ночи.

В половине двенадцатого мы с Анькой разговаривали по телефону, потому как обеим не спалось. Анька была весела и спокойна. Я сама могу это засвидетельствовать где угодно и поклясться хоть на Библии, хоть на Коране, хоть на Аюр-Веде.

Значит, с половины двенадцатого до двух что-то произошло.

И если это произошло, то неужели все соседи спали и ничего не слышали?

Да вот так уж получилось! Если бы не пьяный сосед, они бы и Анькин последний полет пропустили.

Я опять пыталась вспомнить Анькины слова. Что-то промелькнуло. Там, в глубине памяти. Но сказано это было не в нашу последнюю встречу. Что же такое-то она говорила?

Я остановилась. Прямо передо мной в витрине размахивал толстой ладонью розовомордый идиот из пластика. Улыбка кретина приглашала меня немедленно посетить магазин со страшноватым названием «Мамона».

Значит, вот как выглядит этот самый Мамона. Мерзкий типус, однако. Глазки маленькие, на голове вихорик торчит, и штанишки на нем в мелкую клеточку. А народ наш ему все молится, молится и не знает, что за урод этот Мамона.

Мне стало жутко интересно, чем может торговать магазин с таким недвусмысленным названием. Не иначе как золотыми тельцами. Критически осмотрев свой туалет и убедившись, что я одета вполне прилично – черный джинсовый костюм, красный шелковый шарф, все стоило дорого, – я решила отвлечься от мрачных мыслей путем созерцания золотых Мамониных стад.

Почему я столь придирчива к своей одежде?

Однажды, все с той же Анькой, поневоле предпочитающей исключительно «Секонд-Хенд», мы забрели в магазин, торгующий джинсами фирмы «Ли». Я была одета чересчур просто, а уж про Аньку я промолчу.

В магазине не было никого из покупателей – только продавец. Юноша с мрачным лицом оглядел нас с ног до головы, и мы явно показались ему недостойными дорогуших джинсов, а потому подозрительными.

Цены там не просто кусались, а готовы были сожрать вас с потрохами. Посему мы разглядели все джинсовые цвета, используемые прекрасной фирмой, порадовались на астрономические суммы и поплелись к выходу. Анька, правда, обнаружила, что ее секонд-хендовые джинсы стоят здесь целых семьсот тысяч. Это привело ее в неопикуемый восторг! Поэтому у прилавка с ними она немного задержалась...

Юноша все это время нервничал и бегал вслед за нами, явно подозревая нас в возможных незаконных махинациях. Аньку это ужасно веселило, и она разгуливала садистски долго, с наслаждением разглядывая особенно дорогие джинсы. Она брала их в руки, морщилась и швыряла назад.

Когда мы оказались у выхода, юноша стоял набычившись, скрестив на груди руки, и явно не собирался выпустить нас живыми.

Анька, с трудом сдерживая хохот, спросила его, неужели он таким образом хочет нас вынудить что-нибудь купить?

Он покраснел, что-то буркнул и отошел в сторону.

Теперь я развлекалась без Аньки.

И всю оставшуюся жизнь я буду скучать без нее...

* * *

Так о чем я? Почему я вспомнила этот эпизод?

Что-то тогда произошло? Когда мы вышли из неприветливого магазинчика. Но что? Вспоминай, Иванова, вспоминай...

Напряги свои мозги, и вспомни. Мы вышли с Анькой из магазина. Сначала смеялись, потом...

Мысль ускользала. Память пыталась скрыть от меня нечто важное. Начнем сначала.

Мы вышли из магазина. Напротив оперного театра. Отправились через дорогу покурить в скверике.

Долго стояли, потому что, как назло, было много машин, и мы не могли перейти улицу. Долго не могли.

Машины... Стоп.

Анька схватила меня за руку и оглянулась. Я спросила ее, что с ней. «Ничего», – ответила она. Я оглянулась. Там никого не было. Только «девятка» белого цвета.

– Только? – это я произнесла вслух. Потому что всего несколько минут назад видела возле театра «девятку». Белого цвета.

«Это могло быть совпадением, Таня».

Могло, согласилась я с разумом. Но интуиция пыталась сфокусировать мое внимание на этой «девятке».

Почему Аньку так испугало тогда ее появление? Я прекрасно помню, что она побелела как полотно.

* * *

Мысль о «девятке» преследовала меня. Я даже не могла вспомнить, когда вышла из «Мамоны», чем они, собственно, торгуют.

Наверное, все-таки золотыми тельцами...

Ах, вспомнила. Женским бельем. Комбидрессами и чулками с резинками... Ничего интересного.

Я огляделась. И вздрогнула.

На углу, возле перекрестка, стояла белая «девятка». Она дождалась зеленого сигнала светофора и тронулась с места...

Я потеряла ладонью висок. Он начал болеть. Кажется, я становлюсь слишком впечатлительной. Нужно держать себя в руках, любезная!

Глава 3

Анькин дом находился недалеко от театра. Поэтому я добралась быстро, без всякого транспорта. Сначала нужно было пройти по проспекту, а потом, мимо духовной семинарии, спуститься по улице вниз. Анька жила в элитной, недавно отстроенной девятиэтажке. В доме в основном и селилась новая элита. Квартиру там Волошины обрели по чистому недоразумению. Помог загадочный волошинский пациент. За спасение своей расстроенной психики он одарил любимого доктора квартиркой. Благо что психика его пострадала именно на строительстве этого дома. Поскольку он был главой возводившей здание фирмы... Анька панически боялась высоты, пытаясь даже по мере возможности избегать лифта.

– Он так пыхтит, – говорила она, морща носик, – что я постоянно чувствую себя в неисправном самолете, который вот-вот рухнет...

Так и бегала на свой девятый этаж пешком. Шутила, что это способствует сохранению фигуры. Сейчас я стояла возле ненавистного лифта и мне хотелось раздолбать кулаком его дребезжащую дверь. Слишком пронзительно напоминал он о том, что здешняя обитательница Аня Волошина никогда больше тут не появится. Никогда... Лифту было наплевать, что мое настроение не сочетается с его занятостью. Он был железный и тупой. Разъезжал себе по этажам, заботясь о ком угодно, только не обо мне. А тот сосед-свидетель жил на пятом этаже. И, в отличие от Аньки, я не любила бегать по лестницам. Слишком много их мне пришлось бы обегать. Я бы просто сошла на нет...

В голову начали лезть ненужные и беспардонные мысли. Это повергало в глубочайшее уныние, но лифт наконец-то смилостивился, крикнул (Ах да, вы все еще стоите? Ничего-ничего, я сейчас...), запыхтел и открыл двери, сразив меня на месте застарелой вонью.

Я вздохнула, смирилась со страстью моих сограждан мочиться в лифтах и нажала кнопку пятого этажа.

Дребезжащее чудовище не спеша потянулось в нужном мне направлении.

* * *

Петр Семенович Вошинов проживал за железной дверью, что свидетельствовало о том, что ему есть за что держаться в этой жизни.

Дверь была хороша. Я даже открыла рот в изумлении и восторге. Сработанная крепко, с кучей засовов и глазков, дверь была высокомерна и уверена в собственной непоколебимости.

Я нажала кнопку звонка. Вкус Петра Семеновича порадовал меня несомненной художественностью. Правда, исполнение «Маленькой ночной серенады» оставляло желать лучшего, поскольку напоминало неуверенное хлопанье первоклассника одним пальцем по клавишам насмерть расстроенного рояля, но слушать Моцарта в ожидании, когда тебе откроют дверь, все ж таки приятно.

Впрочем, дослушать сие творение до конца мне не дали. За дверью зашаркали чьи-то ноги. Я почувствовала на своей физиономии пристальный взгляд глазка и услышала осторожный женский голос:

– Кто?

«Конь в пальто», – хотелось ответить мне. Но я сдержалась. Слава Богу, я уже почти научилась управляться со своим шаловливым языком. Может, к старости освою эту науку до конца.

– Я подруга Ани Волошиной. Мне хотелось бы поговорить с Петром Семеновичем, – сообщила я железной говорящей двери как можно более доверительным тоном.

Дверь помолчала, явно обдумывая, стоит ли звать хозяина.

– Зачем? – изрекла она наконец.

– Я из прокуратуры, – ласково наврала я, доставая из кармана сто лет как просроченное удостоверение. Его красный цвет в очередной раз произвел магическое действие. Дверь открылась, и моему взору предстала несколько напуганная дама лет сорока, одетая в дорогой махровый халат. На голове ее, словно стайка воробьев, располагались разноцветные папильотки.

– Проходите, – пробормотала дамочка, – Петр Семенович сейчас выйдет.

С этим сообщением она исчезла в глубине жилища, оставив меня в большой, ярко освещенной прихожей, более похожей на гостиную.

В углу стояли два глубоких кресла. На столике между ними красовалась мраморная пепельница. Рядом величественно возвышалась огромная напольная ваза.

Я присвистнула. Хорошо живут некоторые наши сограждане!

Приземлившись в мягкое кресло, я почувствовала, что устала. Ноги гудели. Сидеть было приятно. Я бы даже согласилась подождать Петра Семеновича еще час-другой.

Но он уже вышел из кабинета. И с улыбкой направлялся ко мне. Протянул мне руку, но не пожал мою ладонь, а поцеловал.

Я почувствовала себя полной идиоткой. Отчего-то рядом с такими людьми, как Петр Семенович, я начинала испытывать нечто похожее на комплекс неполноценности. Их снисходительность давила на мозги. Слишком уж она пахивала высокомерием.

Впрочем, Вошинов оказался нормальным дядькой. Мы прошли в кабинет. Вальяжно усевшись в кресло, хозяин закурил трубку и посмотрел на меня чуточку игриво:

– Чем могу служить столь очаровательному созданию?

Я помолчала. Начинать резко не хотелось. Иногда это может напугать человека и помешать тебе расположить его к откровенности. А откровенность собеседника в нашем деле нужнее оружия.

В углу кабинета стоял аквариум с рыбками. Вот и повод понравиться, подумала я и посмотрела на рыбок с восхищением. Он, конечно же, уловил мой целенаправленный взгляд и улыбнулся.

– Красивые? – поинтересовался он несколько самодовольно. Как будто сам был одним из этих очаровательных созданий с развевающимися радужными хвостиками.

Я кивнула.

– Потрясающие... Никогда не видела такого сочетания бледно-голубого с золотом...

Он удовлетворенно вздохнул. Я была принята. Можно начинать...

– Извините за беспокойство, – приступила я к делу, – но вы были свидетелем Аниной гибели...

Он нахмурился. Смешно пожевав губами и осмотрев задумчивым взором потолок с причудливой лепниной, остановил на мне рассеянный взгляд и кивнул головой:

– Так получилось...

После этого глубокомысленного заявления Петр Семенович обаятельно улыбнулся и снова замолчал. Я кашлянула.

– Не могли бы вы рассказать поподробнее?

– Я ведь уже рассказывал этому милиционеру... – недовольно поморщился мой собеседник.

– Понимаю, – кивнула я, – но расследованием гибели Ани Волошиной сейчас занялась я. Если вас не затруднит, расскажите все, что вы видели этой ночью поподробнее.

Он опять задумался. Честное слово, для руководителя оптовой фирмы он излишне философичен. Этак без штанов можно остаться, ей-Богу!

Вдруг от чрезмерной задумчивости потянет на Канта. Или – не приведи Господи! – Ортегу с Гассетом читать возжелаем. А тогда уж не до торговли будет. Ни оптом, ни в розницу...

Из-за двери раздался голос супруги:

– Петь! Кофейку не хотите?

– Будете? – обрадовался Петр Семенович. Я кивнула.

– Тащи! – повелел хозяин верной рабе, и она появилась на пороге с подносом, на коем стояли крохотные чашечки, наполненные ароматным напитком. В конфетнице лежали печенья «Бартонс», видимо, мне хотели польстить. Именно печенье «Бартонс» было похищено у Шерлока Холмса в рекламном клипе. А мышление Вошиновых и их соратников по бизнесу формируется, увы, рекламой...

Я улыбнулась. Кофе получился отменный, о чем я сообщила расплывшейся от удовольствия хозяйке. Та сразу прониклась ко мне симпатией и уходила из комнаты уже без недовольства на лице.

Петр Семенович тоже разомлел от горячего кофе, подобрел и повеселел. К нему вернулась словоохотливость, и он начал свой рассказ...

* * *

Возвращался он с презентации, а точнее говоря, из баньки, в которой славно попарился в обществе прелестных гетер и сотоварищей, поздно. Так как некоторое алкогольное опьянение помешало ему воспользоваться личным «Фольксвагеном», его подвезли неведомые добрые люди на скромном «Москвиче», и до дома пришлось добираться на своих двоих еще полквартила.

Впрочем, ему это было полезно, так как нужно было выветрить остатки хмеля. Около подъезда несчастный обнаружил, что выветривание оных затянулось. Ему пришлось побродить вокруг родного дома, поскольку Петр Семенович искренне побаивался не только собственной супруги, но и приступов тошноты, изредка посещающих его из-за наличия язвы.

Бродил он довольно долго. На улице никого не было – пусто и тихо, только в отдалении маячила милицейская машина. Запомнил ее Вошинов потому, что опасался, как бы его не забрали в трезвяк или не содрали мзду за то, чтобы оставить в покое. Но, видимо, у обитателей «козлика» были свои дела, посему на Петра Семеновича никто внимания не обратил.

Петр Семенович вдоволь нагулялся и уже решил, что созрел для спокойного почивания в мягкой постели, как вдруг услышал со стороны дома сдавленный крик и увидел, что из окна девятого этажа выпала женщина...

Петр Семенович насмерть перепугался и начал звать на помощь. Подбежав к упавшей, он узнал Аню Волошину, которой уже ничем не мог помочь.

* * *

– Вот тогда и подошел милиционер из этой машины, – закончил Петр Семенович. – Вот ведь какая штука... Он не торопясь подошел, понимаете? Впрочем, сейчас такая милиция...

Он махнул рукой, но, вспомнив, с кем разговаривает, посмотрел испуганно и закончил свою мысль:

– Я, конечно, не говорю обо всех...

Я пропустила его тираду мимо ушей.

– Значит, он подошел сразу?

– Да нет, – пожал плечами мой собеседник, – я же сказал... Он ее перевернул, посмотрел ей в лицо и выругался. Нехорошо так выругался. Ну, и начал меня пытаться – кто такая, да почему ей мысль такая пришла – из окна прыгать... Я-то откуда знаю?!

Вошинов расстроено фыркнул.

– А вы никогда не замечали в вашем дворе белую «девятку»? – рискнула поинтересоваться я. Он задумался. Вспоминал он очень и очень старательно. Но эти усилия, увы, были тщетны.

– Нет, – покачал он отрицательно головой, – здесь ни у кого нет белой «девятки»...

Ладно. Значит, проклятухая машина все – таки относится к разряду вымысла и фантастики... А жаль. Так хочется занять хоть тоненькую нить, ведущую к разгадке Анькиной гибели!

* * *

Увы, пока я ничего не узнала... Практически ничего. Вошинов утверждал, что из дома не выходил никто посторонний. Подозревать можно было только милицейскую машину, стоящую тогда неподалеку. Но она, скорее всего, просто дежурила.

Район-то respectable. Нужно охранять... Хотя – надо будет завтра узнать, кто именно дежурил в районе Анькиного дома. Узнать и попытаться выяснить... Стоп. Как же ты будешь выяснять? Там дураков нет. Твоя «ксива» сразу же вызовет недоумение. Мягко говоря... Я задумалась. Ладно, ладно... Пока что попробую найти белую «девятку». Она не дает мне покоя. Просто идефикс.

Мои блуждания в потемках собственного разума ничего не давали. Я чувствовала себя ребенком в глухом лесу. Нашупав в кармане куртки заветный мешочек с гранеными кубиками, я обрадовалась. Аккуратно, чтобы никто не заметил, извлекла его из кармана, и покатила кости по ладони.

«33+ 19+ 4».

«Неожиданная неприятность повергнет вас на время в депрессию, но вы придете в себя, чтобы стать еще более состоятельным и преуспевающим, чем прежде».

Ах, вашими бы устами... Я грустно усмехнулась. Пока что я не могла вырваться из цепких лап этой самой депрессии. Вновь и вновь видела перед собой фойе театра, где прощались с Анькой Волошиной.

А ее убийца присутствовал в этом мире и был уверен в своей безнаказанности...

Смириться с этим я не собиралась. Я встряхнулась и посмотрела вокруг.

Оказывается, уже вечер. Я еду в автобусе. Вокруг меня полусонные люди. Сумерки делают их лица зловещими и недружелюбными. Я еду домой.

И начинаю приходить в себя...

Глава 4

Первое, что я увидела перед порогом собственной квартиры, – был Игорь. Он сидел на ступеньках, сжавшись в комочек, словно замерзший щенок. Когда я возникла перед его очами, он почти дремал.

– А, Таня, привет, – пробормотал он полусонным голосом, – А я тебя жду...

Он сделал попытку встать, но слегка покачнулся и ухватился за мое плечо. Нельзя было назвать это движение продуманным. Поскольку Игорь не отличался излишней subtilностью, я пошатнулась под свалившейся на меня тяжестью, и мы чуть не рухнули в лестничный пролет.

Спасло нас только чудо. Я смогла удержаться. Конечно, он был нетрезв. От него несло целым букетом спиртных напитков.

Может быть, раньше я бы на него разозлилась. Но не сейчас. Сейчас мне самой не помешало бы расслабиться. Я открыла дверь, и мы прошли в квартиру. Вернее было бы сказать, прошла одна я, втащив с собой моего гостя, который отказывался держаться на ногах.

Он плюхнулся на стул и достал из внутреннего кармана бутылочку джина с тоником.

Наверное, я должна была бы обрадоваться. Но тратить необходимую энергию на распитие спиртных напитков я не имела права.

Поэтому я осталась стоять, не выказывая ровным счетом никакой радости.

Игорь обиженно взглянул на меня и протянул:

– Таня, давай помянем мою жену...

Его глаза мне не нравились. Несчастные и злые... Такие глаза бывают у людей, готовых совершить дикую глупость. Поэтому я сдержала приступ раздражения, села напротив и, вздохнув, согласилась:

– Хорошо. Давай...

Он обрадовался. Кажется, его что-то беспокоило. Он старался растопить свое беспокойство в спиртном, но я-то знала, насколько это бесполезно... Так же бесполезно, как читать лекцию о вреде алкоголя. Поэтому я достала фужеры. Что еще можно было поделаться? «In vino veritas...»

Мы выпили. Не нарушая молчания. Никто из нас не спешил начинать разговор. Хотя я понимала, что именно для разговора со мной Игорь и появился у моего порога.

Тем не менее мы просидели в тишине еще минут десять. Наконец Игорь посмотрел на меня и сказал:

– Танюха, я не верю, что Анька покончила с собой...

Я кивнула.

– Ну?

– Не могла она этого сделать.

– Я это поняла раньше тебя, – улыбнулась я. – Только нашего с тобой понимания мало.

– Что надо сделать? – Игорь смотрел на меня, как на Дельфийского оракула. Сейчас Таня прикроет глаза, спросит Зевеса о том, о сем и даст точный ответ.

– Во-первых, доказать, что Анька не покончила с собой, – пожала я плечами, – во-вторых, найти гада, который это сделал...

Он посмотрел на меня с тоской.

– Как мы его найдем? – почти прошептал он. – Я же тебе говорил... Либо Анька обладала партизанским характером, во что я плохо верю, либо... Во всяком случае, чтобы что-то искать, нужен хотя бы слабый ориентир. А мы с тобой сейчас напоминаем идиотов, пытающихся обнаружить черную кошку в темной комнате.

– У кошки глаза светятся, – меланхолично высказала я давно любившуюся мне мысль, – так что найти ее можно.

– Но здесь-то ничего не светится... – Игорь даже чуточку протрезвел от волнения, – здесь полная темнота!

– Полной темноты не бывает, – опять возразила я. – Темнота глубоко спектральна. В любом виде темноты – даже в крошечной темноте – можно найти маячок...

– И у тебя, конечно, этот маячок имеется, – недоверчиво протянул Игорь.

В ответ я подробно рассказала ему все, что узнала от Воинова.

– И какая же тут зацепка? – спросил Игорь, выслушав мой рассказ.

– Например, милицейская машина, – задумчиво проговорила я, – странный какой-то оперуполномоченный...

– Что в нем странного? Он дежурил.

– Нужно выяснить, кто в этот вечер там тусовался, – сказала я, – и почему, когда поступил сигнал о происшествии, он не подъехал, а вышел из машины и подошел на своих двоих.

– Может, ему лень было ехать? – предположил Игорь с потрясающей, свойственной только мужчинам логикой.

– Может, у него колес не было? – передразнила я его. – Может, у него возникли проблемы с бензином? Он был обязан подъехать на машине. Оставлять машину без присмотра даже опер не станет. А это означает только одно... Что машину он бросил не одну. А с кем-то. То есть машина не страдала от одиночества...

– Ну и что? – Игорь вытаращил на меня глаза. – В этом есть что-нибудь подозрительное?

– Есть, – кивнула я, – почему он подошел один? И что скрывал в своей машине?

– Может, там была проститутка, – вслух подумал плохо о родной милиции Игорь.

– Ну да, – я засмеялась, – и он оставил машину с рацией, оружием и Бог еще знает чем на неизвестную проститутку?

– Она могла быть его знакомой...

Я поняла, что помощник из Игоря никудышный. Он придумает столько возможных вариантов оправдания загадочного поведения милиционера, что расследованию обстоятельств Анькиной гибели нам придется посвятить остаток дней. И еще неизвестно, какие у Бога планы относительно сроков наших жизней. Можно и не уложиться.

– Хорошо, хорошо, – милостиво согласилась я, – пусть будет по-твоему. Там осталась знакомая проститутка, опер подошел, посмотрел и жутко, по словам Воинова, разозлился... Разозлился, когда увидел, что Анька разбилась. Заметь – не удивился. Не опешил. Не огорчился... А разозлился. Как будто Анька сделала это умышленно. Чтобы ему насолить...

Игорь молчаливо смотрел на меня спокойным, жалостливым взглядом. Наверное, подумал, что я немножко не в себе.

– Это Воинову могло показаться, – терпеливо объяснил он. – Не забывай, какое у него было состояние. И у твоего опера могла возникнуть эмоция злости на нарушение покоя. На участке же было все в порядке! И вдруг – несчастный случай!

– Я не предлагаю тебе писать работу о психических последствиях стрессов, – разозлилась я, – и если ты собираешься всех оправдывать, тогда я попробую разобраться во всем сама. Я – всего лишь детектив, сыщица. У меня с познаниями в практической психиатрии не так круто, как у тебя.

– Ладно, не злись, – попросил он.

– Никто ничего не слышал. И не знает, – вздохнула я.

– Может, тетя Шура? – предположил он. – Только мне она ничего не скажет. Она меня терпеть не может.

Тетя Шура, волошинская соседка, одна из тех соседок, которые все про всех знают. Эта черта ее характера и послужила причиной ссоры четы Волошиных с данной особой. Поскольку они любили прикалываться над тети Шуриными КГБистскими способностями. И не просто

отпускали неуместные шуточки в ее адрес, но и непредусмотрительно пытались спрятать свою личную жизнь от ее зорких глаз.

А этот грех в глазах достойной леди был совершенно непростительным. Стоп. А ведь именно тетя Шура с восторгом заимела бы какой-нибудь секрет из частной жизни семейства Волошиных! И уж не стала бы рассказывать о нем первому встречному... Я щелкнула пальцами. Порядок, детка! Завтра... Завтра надо будет посетить двух особ женского пола, одну – мужского, и, может быть, мы медленно начнем продвигаться в нужном направлении...

А сейчас мир обволакивала ночь. Несчастный Игорь, не дождавшийся от меня вразумительных речей, мирно уснул в уголке кухни. Я накрыла его теплым пледом. Будить его не хотелось. Если проснется, сам переберется на диван... Я потянулась.

Ужасно хотелось спать. Глаза налились тяжестью. Им не хватало отдыха. Почти не раздеваясь, я плюхнулась на мягкое лежбище и блаженно вытянула ноги. Боже, как хорошо, что у человека есть возможность спать не в каком-нибудь стойле или на насесте, а в мягкой кровати!

* * *

Анька сидела на цветущем лугу и задумчиво бросала мои магические кости... Ее лицо не было печальным. Немножко озабоченным, но не грустным. Рядом с ней ползал прелестный младенец, толстенький, розовощекий и рыжий. Как сама Анька. Заметив меня, младенец потянулся ко мне и, весело мурлыкая, пополз в мою сторону. Анька подняла недоуменно-рассеянный взгляд и протянула:

– А, это ты, Танька... Привет.

– Привет, – довольно глупо улыбнулась я в ответ, не понимая, что Анька делает с моими магическими косточками в моем собственном сне.

То есть к тому, что в моих снах вечно происходит нечто аномально-кретинское, я привыкла. Но Анька играла в мои любимые игрушки. Не то чтоб я имела что-нибудь против, но это было странно...

– Что ты делаешь? – рискнула спросить я. Анька подняла на меня удивленные глаза:

– Как это – что?! Пытаюсь понять, как он мог меня убить...

И тут налетел жуткий ветер, небо потемнело, и Анька, подхватив на руки прелестное дитя, побежала с лужайки. Я осталась, потому что туда, куда так быстро рванула моя подруга, мне было никак нельзя. Я знала это и поделаться с этим ничего не могла.

* * *

Проснулась я в раю. По квартире разносился, обволакивая и маня, запах прекрасного, сваренного, а не растворимого кофе... Боже мой, где я? Неужели в моей холостяцкой квартире появился некто, спешащий проявить заботу обо мне? Я сладко потянулась. Вставать и хотелось, и не хотелось. За окном моросил расслабляющий дождь, одеяло было теплое, телевизор, поставленный со вчерашнего вечера на будильник, мирно болтал в углу.

Но запах кофе... От этого запаха щекотало под ложечкой.

Этот запах манил, притягивал, звал. Я чувствовала себя ребенком, которого тянет за собой флейта крысолова из Гаммельна. Дверь в комнату приоткрылась.

Мой «крысолов» заглянул осторожно, но с немеркнущей надеждой поймать мой проснувшийся взгляд.

Я решила его не мучить.

– Доброе утро, – обрадовался Игорь, – Я сварил кофе и сделал тосты.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Стоит оставить тебя здесь на более долгий срок.

– Я бы с радостью, – кивнул он, – совсем не хочется домой...

Я прекрасно его понимала. Дом Волошиных сейчас оглушал безжизненной пустотой. А человеку нельзя все время испытывать боль.

– Ты скоро встанешь? Или тебе принести кофе сюда? – Игорь был готов на все. Лишь бы я разрешила ему остаться еще на некоторое время...

Конечно, я ничего не имею против. Анька была бы мне благодарна.

Все равно ведь нам надо работать вместе...

– Я встану, – вздохнула я. – Ненавижу пить кофе в постели. В этом есть нечто противное природе. Представляешь, каково это – неумытой и непричесанной леди потреблять сей божественный напиток?

Он радостно кивнул. Я жестом приказала моему вассалу испариться на момент облачения в королевские одежды. Он исчез, осторожно прикрыв за собой дверь. Я спустила ноги, постаравшись попасть в тапочки. И остолбенела... На полу, разбросанные по ковру, валялись мои кубики!

* * *

Я прекрасно помнила вчерашний вечер. И была готова отдать руку на отсечение, что я не брала в нее костей! Тогда кто? Кто играл в Танины игрушки? Неужели...

– Игорь! – закричала я. Он влетел в комнату. Наверное, в моем голосе явно прозвучал страх, поскольку его лицо было отражением моего настроения.

– Ты не заходил вчера в комнату?

Он обиделся.

– Нет, – покачал он головой.

– Тогда откуда это? – простонала я, указывая на кубики.

Он посмотрел вслед моему жесту. Пожал плечами.

– Ну, кубики валяются... А что?

– Это не кубики, – объяснила я, – это магические кости. И они не должны вот так валяться!

– А как же они должны валяться?

Нет, он не въезжал в ситуацию. А объяснять ему что-либо я не хотела. Я подошла к кубикам и взглянула на открывшиеся цифры.

– «30+ 16+ 11», – прочла я вслух и задумчиво посмотрела в окно. Игорь терпеливо ждал пояснений. Поняв, что я сама не заговорю, осторожно спросил:

– Ну, и что?

– «Ждите незваных гостей. Неплохо бы им знать: гость хорош тогда, когда вовремя приходит и не забывает вовремя уйти», – продекламировала я.

Он продолжал непонимающе молчать, хлопая ресницами. Мне стало его жалко. Наверное, для непосвященных мои речи напоминают филькину грамоту. Неясно и непонятно. В размытых очертаниях трудно уловить абрис идеи. Но не пускаться же в пространственные рассуждения о сути гадания на магических костях?

– Ладно, – вздохнула я, – пойдем распивать твой кофе. Вдруг это поможет мыслительному процессу.

* * *

По причине пробуждения мыслительных процессов кофе мы пили молча. Я пыталась понять, каких «гостей» пророчили мне ставшие самостоятельными косточки. Или? Догадка потрясла меня своей невероятностью. Я присвистнула. Игорь посмотрел на меня с плохо скры-

ваемой надеждой, что наша игра в молчанку закончится. Но я только взглянула на него мечтательным взором отрешенного пиита и продолжила разговор с собой.

Да уж, старикан Зигмунд запрыгал бы на одной ноге от восторга!

Вот она я – живое подтверждение его великих идей о том, что человек проживает в снах вторую жизнь...

Жаль, что он не дожил до этого светлого момента! Ежели моя ночная посетительница имела в виду свои приходы, это одно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.